

В. Кожевников

Индусский аскетизм в до-буддийский период

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В11

В11 **В. Кожевников**
Индуcский аскетизм в до-буддийский период / В. Кожевников – М.: Книга по Требованию, 2024. – 100 с.

ISBN 978-5-458-55842-6

ISBN 978-5-458-55842-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

денію, и по примѣненію, приписывается характеръ эгоистическій; оно не актъ благоговѣнія, не выраженіе безкорыстнаго порыва души къ Богу, а дѣло расчета и выгоды, какъ со стороны боговъ, такъ и людей. Вотъ наивное повѣствованіе самихъ Брахманъ по этому поводу: „Нѣкогда боги и люди жили вмѣстѣ въ мірѣ; въ ту пору люди всего, чего имъ не доставало, просили у боговъ: „у насъ того-то и того-то нѣтъ; дайте намъ этого!“ Наконецъ, богамъ стали противны эти просьбы, и боги удалились на небо“, открывъ себѣ доступъ къ нему путемъ жертвоприношеній; а дабы люди не послѣдовали за ними, они высосали все содержаніе жертвъ земныхъ и даже замели слѣды ихъ совершенія. Сверхъ того, ставши, благодаря вліянію на нихъ жертвъ, сами бессмертными, они заключили противъ людей союзъ со Смертью, предоставивши въ ея власть тѣла людей, „дабы они становились бессмертными лишь послѣ утраты тѣла“¹⁾. Но святые подвижники, риши, „первые послѣ боговъ“, благодаря присущему имъ духу ясновидѣнія и откровенія, отгадали тайну успѣха боговъ, разоблачили ихъ хитрость и послѣдовали ихъ примѣру: „они постигли жертвоприношеніе, переняли его и стали примѣнять на пользу себѣ и людямъ“²⁾. „Такъ дѣлали боги; такъ дѣлаютъ и люди“; и „если боги такъ поступали, то и я долженъ поступать такъ же“³⁾—въ свою пользу! Эгоистическому расчету боговъ относительно жертвъ долженъ былъ соотвѣтствовать такой же себялюбивый расчетъ людей при ихъ приношеніи.

И дѣйствительно, себялюбивымъ актомъ они были уже изначала и, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе, принижались въ нравственномъ смыслѣ. Жертвоприношеніе считалось „вѣрною ладьею переправы на небо, сѣнью, отверзающею его“⁴⁾, и притомъ — съ силою магическою, вліяющею на самихъ

---

1) Çatap. Brâhm. 2, 3, 4, 4. Aitareya-Brâhmana (edit. Aufrecht. Bonn 1879; англ. переводъ Гауга присоединенъ къ Бомбайскому изданію 1863 года) 13, 6, 4. Çatap. Brâh. 1, 6, 2, 1 и 10, 4, 3, 9.

2) Çatap. Br. 2, 4, 33 и 1, 6, 2, 1—4. Aitar. Br. 29, 3, 11; 7, 3, 6 и 6, 1, 1. Kausîtaki-Brâhmana (edit. Lindner. Jena, 1887) 28, 1.

3) Taîtîrîya-Brâhmana (edit. Rajendralala-Mitra, Calcutta 1855—1890. Bibl. Indica) 1, 5, 9, 4. Çatap. Br. 8, 5, 1, 7; 7, 2, 1, 4; 7, 3, 2, 6.

4) Aitar. Br., 3, 2, 29. Çatap. Br. 4, 2, 5, 10.

боговъ ¹⁾ и заставляющею ихъ исполнять желаніе приносящаго жертву: „велика сила почитанія жертвеннаго!“ восклицаетъ ведическій пѣвецъ; „я склоню ее къ себѣ; оно держитъ небо и землю; да будетъ оно воздаю богамъ! да властвуетъ оно надъ ними“ ²⁾ „и смертнымъ да сообщаютъ возможность власти!“ ³⁾. И эта сила—вѣчная, неисчерпаемая, всегда повторяющаяся въ правильно и точно выполненномъ ритуальномъ актѣ ⁴⁾. Поставленное такъ, жертвоприношеніе, какъ и связанная съ нимъ молитва, не включаютъ въ себя нравственнаго начала какъ чего-то существеннаго. Пусть боги почти всѣ благожелательны людямъ; пусть у молящагося есть извѣстная доля довѣрія къ ихъ расположенію; но все-же главное „довѣріе“ (шрадда) есть вѣра не въ нихъ самихъ, а въ силу и дѣйственность жертвоприношенія, вѣра, неразрывная съ условіемъ точности его выполненія (саты): „довѣріе (вѣра) и точность—вотъ наилучшая чета; если жертвуютъ съ вѣрою, жертва никогда не бываетъ тщетною“ ⁵⁾. И такъ разрастается это довѣріе къ механической, внѣшней сторонѣ культа, что оно какъ бы устраняетъ боговъ и, олицетворяясь, само становится на ихъ мѣсто, превращаясь въ „Божество-Довѣріе“ (шрадда-дэва) ⁶⁾.

Жертва и молитва такимъ образомъ носятъ характеръ не благоговѣйнаго дѣянія, не выраженія любви къ Богу и потребности единенія съ Нимъ; это даже не благодарность: „настоящія благодарственныя жертвы“, правильно замѣчаетъ Ольденбергъ, „совершенно чужды или почти чужды ведическому культу, такъ же, какъ и самое слово „благодарность“ чуждо ведическому языку ⁷⁾. Тотъ и другой знаютъ

¹⁾ Тексты о дѣйствіи жертвоприношенія независимо отъ воли боговъ сопоставлены у Bergaigne. *La religion védique*. I, 121 ss.

²⁾ Rig-Veda. VI, 51, 8.

³⁾ Тамъ-же, IV, 15, 5.

⁴⁾ „Ежедневно бываетъ услышано жертвоприношеніе; ежедневно свершается оно; ежедневно сопричисляетъ оно жертвующаго къ жизни міра небснаго: ежедневно подьмелется онъ (имъ) на небо“. Çatap. Br. 9, 4, 4, 15.

⁵⁾ Aitar. Br. 32, 9, 4 и Kaus. Br. 7, 4.

⁶⁾ Такъ по S. Lévi. *Doctrine du sacrifice*, 114, вопреки толкованію Pota въ С.П.Б.-мъ Словарѣ въ смыслѣ „довѣрчиваго къ богамъ, вѣрующаго“.

⁷⁾ *Religion des Veda*, 305.

только просьбы къ богамъ, просьбы притомъ, почти всегда касающіяся однихъ личныхъ интересовъ жертвователя, и лишь косвенно, да и то лишь изрѣдка, вопросовъ общественнаго благополучія. Интересы же преобладаютъ матеріальныя: молятся о дарованіи потомства, въ особенности—сына, этого главнаго блага по индусскимъ родовымъ и религіознымъ понятіямъ ¹⁾, о здоровьи и долготѣи, представленіе о коемъ въ первобытную пору сливалось съ еще недовыясненнымъ понятіемъ о безсмертіи ²⁾; молятся о силѣ и власти надъ чужими и своими, о благосостояніи дома ³⁾, ради укрѣпленія коего въ глубокую старину приносились, кажется, даже человѣческія жертвы ⁴⁾, объ избиліи коровъ,

¹⁾ Тексты указаны ниже.

²⁾ „Для человѣка безсмертіе есть прожить цѣлую жизнь, и прожить ее счастливо“, говоритъ Tandyā-Mahā-Brahmana, 24, 19, 2 (edit. Calcutta, 1869—1874. Biblioth. Indica). „Тотъ, кто прожилъ сто лѣтъ или болѣе, тотъ достигъ безсмертія“, поясняетъ Шатапата-брахмана, 10, 2, 6, 8, ибо „сто лѣтъ это—безсмертіе, безконечность, безграничность“ — тамъ-же. 10, 1, 5, 4.

³⁾ Обряды и молитвы при построении и освященіи дома—въ Āsvāyāna-Grhya - Sūtra, II, 7, 1 sqq.—9,9. Pāraskara Gr. S. III, 4, 1 sqq. Khādīra Gr. S. I, 2, 1 sqq. Gobhila Gr. S. IV, 7, 1 sqq. Hiranyakesin Gr. S. I, 8, 2, 1 sqq; Āpastamba Gr. S. VII, 17, 1 sqq. См. также обряды возжиганія семейнаго очага въ тѣхъ же сутрахъ. Для болѣе древняго періода—Atharva-veda: 3, 12 и 9, 3. Ср. Winternitz. Einige Bemerkungen über das Bauopfer bei den Indern въ Mittheilungen der Anthropolog. Gesell. Wien. 1887. XVII, 34 ff.

⁴⁾ Winternitz въ приведенной въ предыдущемъ примѣчаніи статьѣ, а о международномъ характерѣ этого обычая—Taylor. Anfänge der Kultur. 1. 104 ff. О до сихъ поръ еще темномъ вопросѣ о человѣческихъ жертвахъ у индусовъ см. Wilson. On human Sacrifices in the ancient Religion of India въ Selected Works, II, 247 sqq. Rajendralala Mitra. On human Sacrifices in ancient India въ Journ. of the Asiat. Soc. Beng. XLV, 1, (1876). 76 sqq. Weber. Ueb. Menschenopfer bei den Indern der vedischen Zeit въ Zeitschrift d. Deut. Morgenländ. Gesell. XVIII; 262 ff. и въ Indische Studien. I, 54 ff; X, 348. XIII, 218 f. 251 f. Barth. Religions de l'Inde. 38. Oldenberg. Religion des Veda, 363 ff. Hillebrandt. Vedische Opfer und Zauber, 153 f. S. Lévi. Doctrine du sacrifice, 133 ss. Ведическимъ ритуаломъ человѣческая жертва не только допускава, но даже поставлена на первомъ мѣстѣ: человѣкъ есть первое изъ пяти жертвенныхъ животныхъ: Vājasaneyasamhita. 13, 47—51, Taittirīyasamhita, 4, 2, 10, 1—4. Kāthaka. 16, 17. Śatapata. Brāhm. 6, 2, 1, 18: „человѣка жертвуютъ первымъ, ибо онъ

„дѣтей солнца“, и золота, „первенца Божественнаго Огня“¹⁾. Рядомъ съ этими безчисленными просьбами о вещественныхъ благахъ нравственные и религіозные мотивы при священнодѣйствіяхъ едва-едва намѣчаются. За ничтожными по своей рѣдкости исключеніями, всѣ жертвы и молитвы имѣли основнымъ побужденіемъ не самоограниченіе и еще менѣе самоотрѣшеніе, а корысть; все построено было на принципѣ „do ut des“, и мы могли бы назвать эти богослужебныя отношенія договорными, если бы магически-заключительный элементъ, имъ приписываемый, не подрывалъ свободнаго согласія боговъ на просьбы людей и не дѣлалъ ихъ исполненія принудительнымъ для первыхъ.

Если, несмотря на все это, аскетизмъ съ очень раннихъ поръ сталъ проявляться въ индусской жизни и разросся въ ней до размѣровъ, непримѣрныхъ въ другихъ цивилизаціяхъ, то причину этого надо искать въ мотивѣ независимомъ отъ религіознаго, въ желаніи избавиться отъ тяготы повторныхъ жизней, согласно съ убѣжденіемъ въ неизбежности перевоплощеній для всѣхъ, не порвавшихъ съ жаждою личнаго бытія. Это побужденіе, сразу обезцінивавшее всѣ земныя, вещественныя блага, стояло въ прямой противоположности къ матеріалистической-эгонистической концепціи всей системы жертвоприношеній и молитвъ. Но мотивъ этотъ, именно въ силу своего слишкомъ рѣзкаго противорѣчія съ естественными влеченіями большинства къ осяза-

---

первое изъ животныхъ... а всѣ оны приносятся въ послѣдовательномъ порядкѣ своего достоинства“. Объ упадкѣ этого обычая тотъ же источникъ повѣствуетъ (1, 2, 3, 6 Ср. Maitr. Br. 3, 10, 2 и Ait. Brāhm. 6, 8, 1) „боги вначалѣ заклали, въ качествѣ жертвы, человѣка; но сила обряда покинула закланнаго и перешла въ коня,... а отъ него въ корову, въ овцу и въ козла“, гдѣ и „осталась на наиболѣе долгій срокъ, вслѣдствіе, чего козелъ и есть наиболѣе обычная жертва“, „въ которой всѣ остальные какъ бы совмѣщены“ (Ait. Br. 6, 8 и Śatar. Br. 6, 2, 2, 15). Говорится о замѣнѣ животныхъ ихъ металлическими или глиняными подобіями, но такой зачетъ не одобряется: „не слѣдуетъ этого дѣлать; надо, насколько возможно, жертвовать пять животныхъ“ Śatar. Br. 6, 2, 1, 39; Однако тутъ же сообщается, что „прежде ихъ всегда жертвовали всѣхъ, теперь же жертвуютъ только двухъ козловъ“ или рисъ и ячмень, вшитавшіе въ себя, будто бы, кровь жертвеннаго козла (тамъ же, 1, 2, 3, 7. Mait. Br. 3, 10, 2. Ait. Br., 6, 8).

¹⁾ Vasishtha. XXVIII, 16.

тельнымъ благамъ настоящаго, никогда не былъ бы въ силахъ одинъ, исключительно своими доводами, сдѣлать аскетизмъ настолько распространеннымъ и цѣннымъ, какимъ онъ сталъ въ Индіи. Мы должны, слѣдовательно, искать рядомъ съ этимъ философскимъ мотивомъ еще другія побужденія, иного, болѣе общедоступнаго свойства. И дѣйствительно такое побужденіе было въ индусской жизни, и притомъ крайне заманчивое для первобытнаго пониманія и настроенія, такъ какъ оно сочетало аскетизмъ и съ культомъ, и съ практическими расчетами мірской жизни.

Жертвоприношеніе, какъ мы видѣли, есть „ладья переправы“, „мостъ, преводящій отъ земли на небо“. Это—священнодѣйствіе, имѣющее цѣлью превратить человѣка въ бога. Предшествующія ему церемоніи „дикши“ — не что иное, какъ символически-мистическое обоженіе жертвователя: „свершающій дикшу, во-истину, направляется къ богамъ, становится однимъ изъ божествъ“; „обрядъ переноситъ жертвующаго изъ міра человѣческаго; уходитъ изъ этого міра свершающій дикшу“¹⁾. „Онъ становится зародышемъ“²⁾ новаго, невещественнаго и безсмертнаго тѣла. Это—новое рожденіе и новая тварь, второе рожденіе, ибо изъ утробы материнской „человѣкъ рождается лишь отчасти; только жертвою появляется онъ въ дѣйствительномъ смыслѣ на свѣтъ“³⁾ (третьимъ рожденіемъ считается сгораніе тѣла на погребальномъ кострѣ⁴⁾). Если такимъ образомъ священнодѣйствіе есть обоженіе человѣка, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и обезчеловѣченіе⁵⁾, ибо „все человѣческое мѣшаетъ успѣху жертвоприношенія“, какъ многократно подчеркиваетъ Шатапата-Брахмана⁶⁾, и противоположность эта столь

1) Śatap. Br. 3, 1, 1, 8; 3, 1, 4, 1; 3, 2, 2, 30. Maitr. Br. 3, 6, 1; Taitt Br. 6, 1, 1.

2) Maitr. Br. 3, 6, 7. Śatap. Br. 3, 2, 1, 6 и 31. Въ этой Брахманѣ можно найти цѣлый рядъ символическихъ предметовъ и дѣйствій, олицетворяющихъ превращеніе жертвователя въ зародышъ, его положеніе въ утробѣ матери и т. д.

3) Maitr. Br. 3, 6, 7.

4) Śatap. Br. 11, 2, 1, 1.

5) Оттого всѣ жертвоприношенія, предшествуемая дикшею, заканчивались обрядами, возвращавшими жертвующаго обратно къ нормальному состоянію человѣчности.

6) Śatap. Br. 1, 2, 2, 9; 1, 7, 2, 9; 3, 2, 2, 15; 3, 3, 4, 31.

велика, что „нѣтъ“ у боговъ есть „да“ у людей“¹⁾. Если же мы не хотимъ дѣлать ничего противодѣйствующаго успѣху жертвоприношеній, приходится или отказываться отъ человѣческаго для достиженія ритуальныхъ цѣлей, или, по меньшей мѣрѣ, временно ограничить человѣческое, либо дѣлать все или многое въ обратномъ ему смыслѣ. Ритуаль древняго культа такъ и поступаетъ, придавая всеѣмъ богослужебнымъ приемамъ форму какъ разъ обратную съ правилами и обычаями человѣческаго быта²⁾. Вотъ какимъ оригинальнымъ, характерно-индусскимъ путемъ вводится аскетическое начало въ культъ; но, очевидно, опять—не по религіозному порыву, а по корыстному побужденію: добиться успѣха жертвоприношеній и молитвъ. Это былъ приемъ грубо практической, но доступной пониманію большинства; онъ получилъ прочный и широкій успѣхъ. Оправданіемъ ему служилъ примѣръ боговъ, будто бы доказавшихъ благопріятствующее въ этомъ смыслѣ значеніе успія, подвига (шрамы). „Подвигомъ боги завоевали то, что предстояло имъ завоевать“³⁾; подвигомъ же, слѣдовательно, шрамою, должны добиваться своихъ цѣлей и земные герои-аскеты, поэтому самому и называемые шраманами. Благодѣтели человѣчества, риши, перенявшіе у боговъ служебный ритуаль, овладѣли имъ также путемъ шрамы, и это сдѣлало ихъ друзьями боговъ, въ нѣкоторомъ родѣ равносильными имъ.

Въ понятіи этихъ аскетическихъ трудовъ и успій съ самаго начала включено было представленіе о нѣкоторомъ возвеличеніи надъ состояніемъ обычной человѣчности, о превозмоганіи и превосхожденіи только-человѣческаго. Процессъ, коимъ это достигается, и есть экстазъ, „тапасъ“ („разгоряченіе, рдѣніе, воспламененіе“). „Изъ воспламенившагося тапаса родились Порядокъ и Истина“, читаемъ мы уже въ Ригведѣ; такъ же создались ясновидящая греза (сновидѣнія) и „вдохновеніемъ рожденная, до боговъ, до солнца достигающая рѣчь“⁴⁾, „сообщающая силу величайшихъ дѣя-

1) Ait. Br. 3, 5, 19.

2) Многочисленные куріозные примѣры изъ Брахманъ сопоставлены у S. Lévi, *Doctrine du sacrifice*, 86—87.

3) Çatap. Br. 1, 6, 2, 3; 1, 7, 2, 24; Ait. Br. 7, 3, 6.

4) Rigveda. X, 190, 1; VIII, 59, 6.

ній боговъ и святыхъ“: Въ подвижническомъ экстазѣ — тайна творчества. Самъ первобогъ Праджапати въ немъ обрѣлъ силу для творенія міровъ и существъ, ихъ населяющихъ: онъ достигъ такой степени экстаза, что изъ всѣхъ, поръ его брызнули свѣточн, вспыхнувшіе звѣздами въ безпредѣльности пространства ¹⁾.

Осязательно „тапасъ“ проявляется въ отдѣльныхъ видахъ подвижничества: въ постѣ, бдѣніи, неподвижности позы, въ безмолвіи, въ задерживаніи дыханія, въ этомъ „высочайшемъ изъ подвиговъ, въ подвигѣ проникающемъ до корней волосъ и оконечности ногтей“ ²⁾. Несмотря на обычно спокойный, педантически-точный способъ выполненія твердо заученнаго ритуала, каковое предписано древнѣйшимъ культомъ ³⁾, Ригведа въ одномъ изъ своихъ гимновъ сохранила намъ списанную съ природы картину экстаза „вѣщихъ людей“ въ грязныхъ, темныхъ одеждахъ, съ развѣвающимися длинными волосами, упоенныхъ ядовитымъ зельемъ зловѣщаго бога Рудры и поющихъ о своихъ грезахъ: „въ хмельномъ восторгѣ взопли мы на колесницу вѣтра и мчимся, богами влекомые, на коняхъ друга бурь; и только одно тѣло наше видимо вамъ, о смертные. Душа же наша носится по путямъ апсаръ и гандхарвъ и дикихъ звѣрей, и въ обоихъ моряхъ, въ восточномъ и западномъ, витаетъ заразь она“ ⁴⁾.

Такъ своеобразно открываются пути для проникновенія аскетизма въ духовную жизнь индусовъ, но, повторяемъ еще разъ, не по нравственнымъ побужденіямъ и не по религіознымъ, а по соображеніямъ утилитарнаго свойства, ради успѣшности священнодѣйствій, а черезъ это—и ради полученія особыхъ свойствъ, чрезвычайныхъ силъ и способностей, уже не человѣческихъ, а божественныхъ. Въ браманическомъ ритуалѣ аскетическія предписанія составляютъ,

---

¹⁾ Satap. B. 10, 4, 4, 2.

²⁾ Baudhâyana Dh. S. IV, 1, 23—24.

³⁾ Напомнимъ, что очень многія молитвы и формулы предписывалось не громко читать, а „бормотать“, произносить вполголоса: „въ Ригведѣ и Самаведѣ произношеніе должно быть громкимъ голосомъ; въ Яджурведѣ—бормотаніемъ (urâmsu);... въ гимнахъ Самидхеи произношеніе должно быть среднее между громкимъ и тихимъ голосомъ“. Âpastamba. Yagna-Paribhâshâ Sûtra VIII; IX. XI. S. B. E. Vol. XXX, 318, 319.

⁴⁾ Rigveda. X, 136.

можно сказать, непрерывный аккомпанемент священнодѣйствій, какъ жреческихъ, такъ и домашнихъ, совершаемыхъ домовладыкою или другими членами семьи въ важнѣйшіе моменты бытовой жизни.

На первомъ планѣ поставленъ постъ. „Постъ—это лѣстница къ богамъ“, читаемъ въ законахъ Баудхаяны ¹⁾. „Не ѣсть—цѣлый подвигъ (тапасъ)“, увѣряетъ Шатапата-Брахмана ²⁾, и во всякомъ случаѣ это—необходимое предшествованіе жертвоприношенія, ибо „если непорядочно самому наѣсться прежде, нежели накормить другихъ людей ³⁾, то тѣмъ болѣе странно ѣсть самому, когда еще боги ничего не вкушали“ ⁴⁾. Помимо этого краткаго служебнаго воздержанія отъ пищи, существовалъ цѣлый рядъ особыхъ постовъ въ связи съ выдающимися по важности жертвоприношеніями, въ сроки новолунія и полнолунія ⁵⁾: здѣсь наканунѣ священнаго тор-

---

¹⁾ Baudhâyana. III, 9, 18.

²⁾ Çatap. Br. 9, 5, 1, 6.

³⁾ Объ этомъ обычаѣ обильныя указанія въ сборникахъ законовъ: такъ Baudhâyana, II, 7, 2 и 5—6: „тотъ кто ѣсть, чтобы утолить только собственный голодь, пожнетъ только слѣдствія вины. Напрасно ѣсть безумецъ!.. пусть онъ сначала накормитъ гостей своихъ; затѣмъ—беременныхъ женщинъ; потомъ—дѣтей и престарѣлыхъ; далѣе—нуждающихся и, въ особенности, немощныхъ. Тотъ же, кто ѣсть самъ первымъ, не напавши этихъ по правиламъ, тотъ не знаетъ, что онъ оказывается самъ съѣденнымъ: не онъ ѣсть, а онъ снѣдается! Пусть онъ въ молчаніи вкушаетъ оставшееся послѣ раздачи долей манамъ, богамъ, слугамъ, родителямъ и учителю. Таково правило священнаго закона“. Васишта (XI. 9—10) прибавляетъ къ вышечисленному еще приказаніе бросать за двери дома чтонибудь съѣстное „для собакъ, для чандалъ, для отверженныхъ, для шудръ и для воронъ“. Кормить нищихъ, подвижниковъ, добродѣтельныхъ мірянъ и учениковъ—почетная привилегія и, вмѣстѣ, обязанность домовладыки (Vasishtha. VIII, 16; X, 17—18), щедро награждаемая во всѣхъ мірахъ, начиная съ земного: „подаватель пищи будетъ обладать прекраснымъ зрѣніемъ и хорошею памятью“ (тамъ же, XXIX, 9).

⁴⁾ Çatap. Br. 1, 1, 1, 8.

⁵⁾ Объ этихъ службахъ, считавшихся особенно важными, см. Грехън-сутры: Çankhâyana. I, 3; Âsvalâyana. I, 10. Pâraskara, I, 12. Khâdira. II, 1 и 2, 1 sq. Gobhila I, 5. Hiranyakesin. I, 23. 7. Âpastamba, 7, 17. Специальная работа—Hillebrandt. Das altindische Neu und Voll-mondsopfer. Jena, 1880; короче—въ его же Ritual-Litteratur. Vedische Opfer u. Zauber, Strassburg, 1897, 111 ff. Эти древнія торжества, въ измѣненномъ видѣ и

жества предписывалось воздержаніе отъ мясной пищи, и даже плоды и овощи дозволялись только дикорастущіе. Но бывали посты и болѣе продолжительные, носившіе характеръ покаянно-искупительный за содѣянные проступки ¹⁾. Таковъ былъ семидневный постъ, налагавшійся за вкушеніе запрещенной пищи ²⁾, списки коей составлены были съ большою точностью, причемъ многое считалось запрещеннымъ всегда, а другое лишь временно, при опредѣленныхъ обстоятельствахъ ³⁾. Особенною строгостью отличался постъ, называвшійся криччроу: онъ длился 12 дней, но могъ быть растянутъ и на цѣлый годъ; во время него три дня полагалось ничего не ѣсть вечеромъ, три дня — ничего утромъ, три дня питаться лишь непрошено поданнымъ и три—ничего не вкушать ⁴⁾. Были посты очистительные отъ соприкосновенія съ нечистотою: такъ, послѣ совершенія похоронъ, за прикосновеніе къ мертвецу,—постъ трехдневный ⁵⁾. Были посты, такъ сказать, наставительные къ ученію: при заучиваніи формулъ для домашнихъ возліяній и сожженій отецъ и мать семейства въ теченіе 12 дней должны воздерживаться отъ сожитія, спать на голой землѣ и не ѣсть ничего соленого и возбуждающаго ⁶⁾; спеціальныя предписанія о постѣ существовали для учащихъ и для заканчивающихъ курсъ священнаго знанія, „спатакъ“, наримѣръ (при разныхъ случаяхъ): воспрещеніе мяса и питья изъ глинянаго

съ новымъ значеніемъ, перешли въ несложный культъ буддистовъ подъ названіемъ упосать.—„Лунный постъ“ (чандраяна) въ старину предписывалъ ежедневное увеличеніе порціи ѣды въ „свѣтлую“ половину мѣсяца и соотвѣтственное уменьшеніе въ „темную половину“.—Vasishtha, XXVII, 17, 21.

¹⁾ По Баудхаяпѣ. III, 10, 13 и 15 „покаянныя“ правила состояли, въ воздержанія отъ вреда живымъ существамъ, въ трехкратномъ въ день купаньи, послушанія наставнику, половомъ воздержаніи, снаньѣ на голой землѣ, облеченіи въ одну только одежду и въ постѣ. Сроки покаянія, смотря по тяжести вины, простирались отъ одного дня до года.

²⁾ Āpastamba. I, 9, 27, 3—4.

³⁾ Gautama, XVII, очень подробно. Āpastamba. I, 5, 16, 1—I, 6, 18, 33, еще болѣе подробно! Baudhāyana I, 5, 12, 1—15. Vasishtha, XIV, 1—48; вездѣ обстоятельныя указанія: гдѣ, когда и какъ ѣсть и пить.

⁴⁾ Āpastamba, I, 9, 27, 6—8.

⁵⁾ Vasishtha. IV, 14.

⁶⁾ Āpastamba, II, 2, 3. 13.

сосуда; питаніе невареною пищею или поданною изъ милости; постъ трехдневный въ лѣсу или въ мѣстѣ, посвященномъ богамъ ¹⁾. Даже ничтожные случаи въ частной жизни почитались поводомъ къ посту: привѣтся ли рой къ дому,—постъ; случится ли какое предзнаменованіе—опять постъ! ²⁾.

Вообще же на постъ смотрятъ какъ на средство „достигнуть скораго исполненія желаемаго“ ³⁾: „кто хочетъ стать правителемъ людей, пусть постится восемь ночей!“ ⁴⁾ „приступающій къ священнодѣйствіямъ ради осуществленія особыхъ, опредѣленныхъ желаній, пусть воздерживается отъ шести блюдъ или хотя бы отъ трехъ“; еще лучше—„пусть выдерживаетъ обѣтъ 14-дневнаго поста, а если не можетъ обойтись безъ всякой пищи, пусть разъ въ день пьетъ рисовую воду“ ⁵⁾! Для добывающагося большой семьи, обилія скота и вообще богатства—опять соответствующій рецептъ пищевого режима ⁶⁾.

Постъ есть не только средство улучшенія земного, вещественнаго благополучія, но и магическій приемъ для пріобрѣтенія сверхъестественныхъ силъ и способностей. Такъ уже въ очень древнемъ сборникѣ правилъ БAUDХАЯНЫ ⁷⁾ читаемъ: „если человекъ цѣлый годъ будетъ пробавляться

---

1) Śāṅkhāyana Gr. S. II, 12, 6; IV, 8, 20. Pāraskara Gr. S. II, 8, 1—2. Baudhāyana Gr. S. I, 3, 5, 9.

2) Śāṅkh. Gr. S. V, 10 и 11.

3) Baudhāyana (Dh. S.) IV, 5, 1.

4) Gobhila Gr. S. IV, 9, 1.

5) Khādiga Gr. S. I V, 1, 5—6.

6) Тамъ же, IV, 3, 1.

7) О его преимущественной передъ другими сборниками законовъ древности см. обстоятельныя разслѣдованія Г. Бюлера во введеніяхъ къ его переводу Апастамбы, Гаутамы и БAUDХАЯНЫ S. B. E. Vol. II and XIV. Время школы Апастамбы онъ опредѣляетъ VI или VII вѣкомъ до Р. Хр. Introduction to Āpastamba, p. XIX; доказательства же пріоритета надъ Апастамбою БAUDХАЯНЫ, и притомъ „скорѣе на вѣка, чѣмъ на десятилѣтія“,—pp. XXIII sqq. Древнѣйшимъ же сборникомъ законовъ надо, по мнѣнію Бюлера, считать приписываемый Гаутамѣ: Introd. to Gautama, p. LIII and LXI. Взглядъ этотъ подтверждаютъ Штенцлеръ (Zeitsch. d. deut. Morgenl. Gesell. XLVII, 621) и Jolly. Recht und Sitte въ Grundriss d. indo-ar. Phil. u. Altertumsk. II, 8, 2—6, гдѣ также данъ обзоръ сравнительной древности дхарма-шастръ.